

М. С. Хмелевский

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ
В СВЕТЕ РУССКО-УКРАИНСКОГО БИЛИНГВИЗМА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Современная языковая ситуация киевского конгломерата, которая формировалась на протяжении нескольких веков, представляет собой уникальный предмет для лингвистического описания и изучения и существенно отличается от аналогичных (в других мегаполисах славянского мира). В статье обсуждается социолингвистическая мультикодальность современного киевского городского диалекта с конкретными иллюстрированными примерами, собранными из реальной непринужденной речи, зафиксированной нами в 2018 г. в ходе полевых исследований в столице Украины. Дается анализ причин такого переключения различных языковых кодов и описание коммуникативных ситуаций, обуславливающих данное явление.

Ключевые слова: украинский язык, русский язык на Украине, суржик, русско-украинский билингвизм, просторечие, городской диалект, языковой код, украинская языковая ситуация, расшатанность нормы.

M. S. Khmelevsky

**LINGUISTIC ANALYSIS OF EVERYDAY COLLOQUIAL SPEECH
OF RUSSIAN SPEAKING POPULATION OF MODERN UKRAINE
IN THE FRAMEWORK OF RUSSIAN-UKRAINIAN BILINGUALISM
(BASED ON FIELD RESEARCH)**

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstracts. The current linguistic situation of the Kievan conglomeration, which has evolved over the course of several centuries, is the unique subject for linguistic description and study, differing substantially from analogous examples elsewhere in the Slavic world. This article discusses the sociolinguistic multicodeability of the present-day Kievan urban dialect with specific illustrated examples from actual non-staged speech found in Ukraine's capital in 2018. The article also provides the analysis of the possibilities for such switching as well as the description of the communicative situations that are linked with this phenomenon.

Keywords: Ukrainian language, Russian language in Ukraine, Surzhyk, Russian-Ukrainian bilingualism, vernacular language, urban dialect, language code, Ukrainian language situation, language norm abnormality.

Актуальность исследуемой проблемы. Форма существования русского языка у русскоязычных украинцев принципиально отличается от литературного русского языка в географических пределах России. Расшатанность нормы является одной из характерных ее черт, которая подлежит описанию, поскольку представляет собой средство непринужденного повседневного общения представителей среднего социального класса киевлян (а это многомиллионный конгломерат), а следовательно, подлежит лингвистическому описанию, анализу и структурированию, так как подобная обыденная и полушутливая

манера общения заменяет лакуну просторечного стиля в литературном украинском языке.

Материал и методика исследований. Методом исследования послужило пристальное наблюдение за разговорной речью киевлян в непринужденном общении в ходе полевых исследований в 2018 г. Эмпирический материал был собран с учетом контекстуальных ситуаций, возраста говорящего, его происхождения, социального статуса и рода деятельности.

Результаты исследований и их обсуждение. Изучение так называемого киевского русского языка проводился на основе выводов многих авторитетных ученых, занимающихся данной проблематикой [2], [4], [5], [6]. При анализе и структурировании по определенным моделям спонтанной речи, в которой преобладают отклонения от литературной нормы, порой авторские высказывания, которые вполне моделируются по общим законам развития языка на разных его уровнях, мы опирались на научную базу теоретиков языкового узуса и дискурса [7], [8, с. 47], [9], [11], [12]. Одновременно проводились параллели исследований подобных языковых ситуаций в других славянских конгломератах, чтобы отметить как их схожесть, так и уникальность киевского городского интердиалекта [3], [12].

Существующие подходы к описанию данной проблемы, применяемые в современной украинистике, за редким исключением не дают реального представления о действительной языковой ситуации в силу пуристических представлений большинства украинских лингвистов об идеальном моноязычии титульной нации. Объективную картину трудно получить и в результате социологических исследований, поскольку этнический украинец по тем же причинам при опросах или анкетировании будет пользоваться устойчивыми в современной языковой политике штампами о необходимости использования государственного языка во всех сферах жизни, тогда как в действительности в бытовом общении он будет применять русский язык или украинско-русскую смесь – суржик.

Таким образом, наш подход, основанный на наблюдениях за непринужденной живой речью украинцев, а также на анализе приведенных в художественной литературе примеров из украинского просторечия, является наиболее продуктивным при установлении объективного факта сосуществования в условиях двуязычия нескольких языковых кодов в языковом портрете украинца (русский язык – суржик и его варианты – украинский язык), а также факта их переключений в зависимости от экстралингвистических причин [9], [10]. Именно такой анализ, результаты которого представлены в данной статье, может дать наиболее адекватное представление о явлении украинско-русской конвергенции, а также роли и функциях русского языка в городском просторечии жителей центральных и юго-восточных регионов Украины.

С целью наиболее объективного получения представления о языковом срезе современного почти трехмиллионного мегаполиса киевский городской диалект следует рассматривать с учетом целого ряда как лингвистических, так и экстралингвистических факторов (причем в их совокупности), которые обусловили его актуальное состояние во всем многообразии своего проявления, что сильно отличает его от других сравнительно монофонических городских агломераций современной Украины и по сути представляет собой уникальный феномен в современном славянском мире [2, с. 93].

В этой связи предварительно оговорим, в чем заключается данная уникальность. В первую очередь, это сам социальный состав жителей г. Киева, который исторически по большей части складывается из переселенцев в первом, втором или третьем поколениях (из восточных, центральных и южных регионов Украины), которые, являясь русско-украинскими билингвами (в той или иной степени – см. ниже), исконно пользовались либо русским языком в его просторечном преломлении и расшатанной норме (напр., Харьковская, Одесская обл. и др.), либо поднепровскими диалектами (напр., Киевская, Полтавская обл.), либо смесью обоих языков в разных формах его проявления – суржилом (напр., Черниговская, Черкасская обл.) [6], либо литературным русским языком (напр.

Днепропетровская, Запорожская, Кировоградская обл.), либо украинским языком (напр., Винницкая, Хмельницкая обл., а также западные регионы страны) [12].

Сильный рост численности населения г. Киева за счет приезжих из сельской местности или мелких населенных пунктов (реже крупных городов Центральной и Юго-Восточной Украины) обусловил явление так называемого киевского многоголосья в рамках одного мегаполиса. Языковой сдвиг произошел преимущественно в сторону русского языка как более престижного кода общения в стереотипном сознании коренных киевлян, а также – что, в частности, и характеризует современную языковую полифонию современной украинской столицы, – способность ее жителей переходить с одного языкового кода на другой (русский язык, суржик, украинский язык) в зависимости от коммуникативной ситуации, общественно-социальной сферы и уровня общения (административные органы, образовательные учреждения, театры, музеи; мероприятия патриотического и религиозного характера; условия непринужденной коммуникативной ситуации) и языкового кода собеседника. Данный фактор отличает «язык Киева» от языка других крупных городов Украины, где подобная языковая многокодовость в речевой коммуникации не выражена настолько ярко. Так, например, житель г. Одессы, Харькова, Чернигова, Тернополя или Ивано-Франковска в любой коммуникативной ситуации в основном будет пользоваться привычным и родным для него языковым кодом, тогда как киевлянин ввиду вышеприведенных причин и в силу своей языковой компетенции будет в том языковом коде, который соответствует тем или иным условиям коммуникации.

К слову, язык г. Праги (литературный чешский язык – обиходно-разговорный язык (obecná čeština)) или язык г. Загреба (литературный хорватский язык – загребское койне) [13, с. 79, 135] не могут служить абсолютными аналогами киевского многоголосья, где имеет место фактор поликодности [7, с. 41]. На фоне славянского мира данную языковую ситуацию в рамках одного агломерата можно сопоставить только с интердиалектом г. Любляны, где, как и в г. Киеве, население состоит по большей части из выходцев из сельской местности, у которых наблюдается языковой сдвиг в сторону люблянского койне, имеющего более престижный социальный статус как маркер столичных жителей, которые пользуются им в повседневном общении, но при этом они способны переходить на литературный словенский язык в зависимости от коммуникативной ситуации и уровня официальности общения, а также от языкового кода собеседника [3].

Экстралингвистический фактор социальной престижности русского языка в киевском социуме складывался исторически, он являлся (и является до сих пор) причиной языкового сдвига исконно суржико- или украиноязычных переселенцев в сторону русского в силу своей языковой компетенции [4, с. 51]. Здесь важную роль играет фактор социального происхождения и уровня образованности в смысле владения русским литературным языком. Русский язык в г. Киеве до сих пор остается неким маркером столичного жителя, тогда как суржик – среднего и низшего социального класса [2, с. 95].

По этой (и не только) причине второе и третье поколение киевлян, являясь русско-украинскими билингвами, используют в своей повседневной речи русский язык, причем в его просторечной форме, возведенной до уровня нормативного общения. Факторы стереотипного представления о престижности русского языка в г. Киеве складывались в силу ряда причин. Исторически (XIX – начало XX в.) город представлял собой специфический социально-разнородный полис, состоявший из:

- а) русских дворян и зажиточных помещиков, владевших особняками и приезжавших сюда на ограниченный период времени;
- б) государственных служащих, чиновников, юристов и т. п. (русскоязычных), которые постоянно проживали здесь как в одном из значительных пунктов административно-управления «малороссийскими» землями в дореволюционной России;
- в) сравнительно незначительных по численности русскоязычных образованных

людей, объединенных в основном вокруг Киевского университета (поскольку образование велось исключительно по-русски в рамках языковой политики Российской империи, нацеленной на искоренение украинского языка из системы образования, что в значительной мере обусловил факт языкового сдвига в сторону русского языка у киевской интеллигенции еще в XIX в. (тогда как вся украиноязычная интеллигенция в то время была сосредоточена главным образом в Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии));

г) мелких торговцев, предпринимателей, купцов – носителей русского языка;

д) многочисленных представителей еврейской и польской национальностей, которые в бытовом общении использовали или идиш, или польский язык, а при вступлении в коммуникацию с местным населением либо в деловом общении – русский, но в его конвергентной форме на базе своего родного [5, с. 24].

В настоящее время столица Украины в большинстве своем (с определенными оговорками) остается русскоязычной, что является следствием вышеприведенных исторических, экстралингвистических и прочих факторов. Наши социолингвистические исследования, а также фиксации, полученные в результате интервьюирования жителей г. Киева, дали следующие результаты современной языковой ситуации и языкового сдвига в сторону русского языка, которые в общих чертах можно классифицировать следующим образом¹:

1. На вопрос о причине выбора в качестве средства общения русского языка респонденты давали ответы, которые по частотности типологически можно объединить так:

– не с кем общаться по-украински;

– в г. Киеве отсутствует массовая украиноязычная культура, в отличие от Львова, Ивано-Франковска, Тернополя и других культурных центров Западной Украины;

– в большинстве случаев в бытовом общении я пользуюсь русским языком, так как ко мне обращаются по-русски персонал сферы услуг, торговли, а также чиновники в государственных учреждениях;

– потому что я вырос в русскоязычной среде, хотя владею украинским языком;

– с детства было стыдно говорить на украинском языке, потому что все смеялись в школе;

– украинский язык – это язык села, и кто говорит на нем, тот в г. Киеве считается провинциалом;

– если в столице говорить по-украински, люди подумают, что с тобой «шо-то не так»;

– литературный украинский язык – это язык киевской творческой интеллигенции, образованной среды и политических кругов; соответственно, используя тот или иной языковой код, человек повышает или понижает свой социальный статус;

– если говорить по-украински, то тебя не всегда поймут;

– если в г. Киеве говорить по-украински, то все подумают, что ты или с Западной Украины, или из села;

– так получилось, что русский язык более привычен для непринужденного общения, а украинский подходит для серьезных бесед на высокие темы;

– украинский язык – это язык литературы и поэзии, на нем невозможно шутить.

2. По частотности ответы киевлян на вопрос, в каких случаях или ситуациях они переходят на украинский язык, типологизируются так:

– никогда;

– с сельскими жителями или на рынке;

– в украиноязычной среде, что очень редко;

¹ Интервьюирование и социолингвистические исследования проводились в рамках полевых исследований современной языковой ситуации г. Киева с июня по август 2018 г. Участники анкетирования интервьюировались выборочно, не подозревая о проводимом исследовании, после чего полученные ответы были структурированы по общему содержанию в процентном отношении, что и позволило сделать примечательные выводы, представленные в статье.

- в театре, университете, музеях, на официальных мероприятиях;
- если собеседник настаивает.

Украинский литературный язык в столице остается языком киевской интеллигенции, представителей творческих кругов, преподавателей, высокообразованных людей (в основном гуманитариев), политической элиты (причем по большей части в рамках официальной коммуникации, а не в повседневном общении) и в весьма незначительном в количественном отношении – обычных городских жителей с высокой степенью национального самосознания, в основном молодого поколения. Они пользуются литературным украинским не только в официальном, но и в бытовом общении, что для г. Киева до сих пор остается численно низким языковым явлением [9, с. 85].

При этом говорящий на правильном украинском литературном языке в сознании других ассоциируется с вышеописанными кругами общества, что также связано с повышением в последнее десятилетие «престижа» украинского языка в центральных районах Украины. Как следствие подобного социально-функционального расслоения возникает такой психологический факт, что, «общаясь на украинском языке, вы автоматически употребляете „высокий стиль”, а когда переходите на русский или суржик, то рискуете незаметно опуститься если не до уличного сленга, то до низкого стиля, панибратского» [1, с. 57].

На формирование подобной ситуации оказало влияние и то, что элитарное искусство, культура, литература создаются на украинском языке, это язык политической элиты, на нем ведется преподавание в вузах и школах, это государственный язык страны. Русский же – в силу ряда объективных причин (социальных, политических и исторических) – стал в крупных городах Украины языком бытового общения, рынка, на нем издаются второсортные печатные издания; выпускается низкокачественная теле- и кинопродукция, желтая пресса; создается поп-культура и т. п. Однако стоит обратить внимание и на то, что влияние современной элитарной украинской культуры на массы ничтожно мало по сравнению с масштабным воздействием русскоязычного массового культурного фона (зачастую не отличающегося высокохудожественным уровнем). Последний количественно во много раз превосходит первую, тогда как потребителем современной элитарной украинской культуры остается все та же украиноязычная (в основном гуманитарная) интеллигенция.

В значительной мере в языке киевлян также представлен и суржик, то есть смешение русского и украинского языков, которое является феноменом в славянском мире (за исключением русско-белорусской «трасянки», которая сравнительно менее выражена и количественно уступает ему) [12, с. 246]. Им пользуются в основном жители г. Киева, переехавшие в украинскую столицу в первом или втором поколении из центральных и восточных регионов страны. Суржик как языковое явление, которое формировалось веками вследствие исторического взаимодействия русского и украинского народов, а также языковой конвергенции двух близкородственных языков, в г. Киеве несет в себе маркер приниженного стиля и в социальном отношении воспринимается как речь малообразованного человека, мещанина, не владеющего в достаточной степени ни русским, ни украинским литературными языками.

В отличие от литературного украинского или русского языков он не имеет в сознании киевлян статус престижности в социальном плане, однако факт частотности его использования в бытовом общении на улицах г. Киева, по нашим наблюдениям, является неоспоримым. Феномен киевского суржика заключается том, что он, в зависимости от социокоммуникативной ситуации, может быть в той или иной степени русифицированным или украинизированным [8], а также не может быть систематически описан с лингвистической точки зрения, как, например, обиходно-разговорный язык г. Праги и Центральной Чехии или городское койне г. Загреба, поскольку даже в монологе говорящего нередко отсутствует вообще какая бы то ни была закономерность в грамматическом, сло-

вообразовательном, лексическом или синтаксическом плане: 1. *Та шо я там знаю, чё во-ни там собі ели я не видела. То, чёго они пили – это знаю, а вот что закусывали – та штоб я бачила! – чё-то закусывали, наверно, а вот шо – не могу до точности сказать – вот тебе таки братья-акробаты – я ж тобі кажу, што не воскресенье – то у нас в хаті такой майдан, шо хоть з квартиры ногі делай. Чё їм вечно не хватает – шоб я знала, то б ответіла.* 2. *А тобі яку колбаску порізати, какая на тебя вкуснее смотрит?*¹ Данные примеры являют собой яркую иллюстрацию невозможности лингвистической систематизации киевского суржика даже в рамках одного монолога, где употребления форм одного и того же слова несколько не обуславливаются ни контекстуально, ни семантически, ни стилистически, ни авторски.

В этой связи также особо следует оговорить и факт киевского русскоязычия. С одной стороны, он, как было отмечено выше, имеет маркер социальной престижности или столичности, с другой – он в значительной степени отличается от языка крупных городов России. Разница заключается прежде всего в его стилистическом функционировании, в частности, речь идет о сильно расшатанной норме русского языка, которая в киевском узусе воспринимается как обыденная форма повседневной коммуникации, а, например, у жителей гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и др. была бы социально маркированной, тогда как в г. Киеве данная манера общения по большей части является общепринятой и не несет в себе никакой социальной характеристики личности говорящего. Подобная манера изъяснения главным образом отражает привычный для жителей г. Киева (и не только его) своеобразный и отличный от носителя русской ментальности стиль общения, который подразумевает в себе юмористический оттенок способа построения речевого акта. Его характеризует, с одной стороны, сатирическо-саркастическая манера ведения диалога, причем даже с незнакомым собеседником, который воспринимает ее как норму повседневного общения (что далеко не приемлемо в русском этикете), с другой – зачастую слабая языковая компетенция, т. е. бедное владение литературным русским языком, являющееся следствием русско-украинской конвергенции, результатами которой стали поверхностное знание обоих языков и фактический языковой сдвиг в сторону русского языка в его просторечной форме.

Из собранных нами в ходе полевых исследований примечательны и показательны такие фиксации разговорной речи киевлян, иллюстрирующие русский язык украинской столицы, как, например: *Он сейчас выглядит – ну, просто гротеск!* (смещение стилей, что характерно для городского киевского речевого кода); *Та я б їм тут всем все ноги повышабала!* (уровень просторечия как норма обыденного общения жителей г. Киева); *А шо за рука хозяйничает моё пиво? Рука – как комод!* (расшатанность нормы по причине отсутствия чувства языка, вследствие чего возникают подобные оксюмороны); *Та шо вы там нашли на том Крещатике – там же одни овцы!* (то есть *праздно гуляющие люди*; в основном авторские метафорические трансформации по устоявшимся ассоциативным моделям); *Я стала сдавать свою квартиру на Владимирской, так у меня в квартире такие элементы завелись – шо просто мельница сплошная!* (авторские экспрессивно-выразительные средства, которые не могут быть паспортизированы, поскольку считаются единичными и рождаются спонтанно в непринужденной речи, но по узнаваемой модели, однако при этом являются довольно распространенным в русском языковом речевом дискурсе киевлян способом изъяснения); *И шо там тебе – занозу посадили в том твоём Житомире? Давай до Киева, тут робота тоже є!* (авторская экспрессивизация речи по устойчивым фразеологическим языковым моделям); *А шо это за герой пузатый мне тут нарисовался?!* (вольное название или обращение для создания комического

¹ Здесь и далее даются примеры, зафиксированные в разговорной речи жителей г. Киева в ходе полевых исследований 2018 г., которые приводятся в орфографическом оформлении, максимально приближенном к их фонетическому звучанию.

эффекта в рамках непринужденного общения без намерения оскорбить); *Вы в каком количестве едете, мужчина, что два жетона в метро покупаете?* (синтаксическая расшатанность языковой нормы как форма просторечного стиля коммуникации); *Он меня уже исторически нервирует* (стилистическое смешение вследствие отсутствия чувства языка); *Та чтоб я перекарябалась об ту тряпку* (звукоподражательные элементы в просторечии под влиянием украинского языка); *Женщина, уже давно магазин закрыт, вы что совсем не видите, что написано – зачинено?* (обыгрывание письменного и разговорного стилей); *А де тут у вас туалет? – Туалет у нас уже давно как час назад закончился* (полное разрушение лексической и синтаксической норм вследствие отсутствия языковой компетенции); *Молодой человек, если вы не особо видите, то у меня тут целая очередь стоит из пострадавших от обуви* (языковая игра слов при полном отсутствии чувства языка); *Потом он разбулся и стал очень босой* (просторечная фонетика в совокупности с отсутствием чувства нормы языка); *это не автовокзал, а головомойка с прицепом* (авторская фразеологизация речи); *Мужчина, ви що бажаєте? – Та я чисто символічно сморрю, шо у вас тут єсть* (отсутствие языкового чувства стиля) и т. д.

Резюме. В заключение возникает вопрос, стоит ли описывать подобную форму искаженной нормативной речи? С нашей точки зрения, неоспоримым остается то, что ею пользуется многомиллионный славянский мир, следовательно, несмотря на расшатанность языковой нормы, она, несомненно, представляет собой интерес для исследования и описания лингвистами с точки зрения межславянской конвергенции.

Собранный нами в ходе полевых исследований и частично приведенный в статью фактический языковой материал ярко иллюстрирует теоретические вопросы и заключения, а также дает представление о языковой ситуации в современной украинской столице.

ЛИТЕРАТУРА

1. Забужко О. С. Подорожуємо Інтернетом. – Львів : Б. і., 2000. – 194 с.
2. Кузнецова И. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С. Киевский суржик как феномен украинской городской разговорной речи (на примере комедии М. П. Старицкого «За двумя зайцами») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2018. – № 2(98). – С. 92–103.
3. Макарова И. Д. Языковая ситуация в Любляне и особенности люблянской разговорной речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03. – М., 2004. – 256 с.
4. Масенко Л. Т. Мова і політика. – Київ : Соляшник, 1999. – 120 с.
5. Масенко Л. Т., Залізник Г. М. Мовна ситуація Києва: день сьогоднішній та майбутній. – Київ : Видавн. дім «КМ Академія», 2001. – 92 с.
6. Мацюк Р. Я. Суржик для інтелігенції. – Львів : Сполом, 2004. – 290 с.
7. Нецименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах: опыт описания. Анализ концепций. – М. : Наука, 2003. – 277 с.
8. Флайер М. С. Суржик или суржики? // Исследования по лингвистике и семиотике : сборник статей. – М., 2010. – С. 47–58.
9. Хмелевский М. С. «Языковой портрет» современной Украины // Komunikacja specjalistyczna. – 2017. – Vol. 13. – С. 79–105.
10. Хмелевский М. С., Урсуленко А. В. Современная украинская языковая ситуация (коммуникативный аспект) // Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reihe. Band 17. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2009. – S. 217–230.
11. Хмелько В. С. Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності // Наукові записки НаУКМА. Т. 32 : Соціологічні науки. – 2004. – С. 3–15.
12. Nazarenko L. Украинский суржик – социолект, просторечие, пиджин? К вопросу о языковой ситуации на Украине // SLAVICA LITTERARIA. – 2012. – Vol. 15, iss. 2. – С. 243–250.
13. Sesar D. Putovima slavenskih književnih jezika. – Zagreb : Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta Sveučilišta, 1996. – 156 с.

Статья поступила в редакцию 01.07.2019

REFERENCES

1. *Zabuzhko O. S.* Podorozhuemo Internetom. – L'viv : B. i., 2000. – 194 s.
2. *Kuznecova I. V., Savchenko A. V., Hmelevskij M. S.* Kievskij surzhik kak fenomen ukrainskoj gorodskoj razgovornoj rechi (na primere komedii M. P. Starickogo «Za dvumya zajcami») // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2018. – № 2(98). – S. 92–103.
3. *Makarova I. D.* Yazykovaya situaciya v Lyublyane i osobennosti lyublyanskoj razgovornoj rechi : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.03. – M., 2004. – 256 s.
4. *Masenko L. T.* Mova i politika. – Kiïv : Sonyashnik, 1999. – 120 s.
5. *Masenko L. T., Zaliznyak G. M.* Movna situaciya Kieva: den' s'ogodnyashni ta prijdeshnij. – Kiïv : Vidavn. dim «KM Akademiya», 2001. – 92 s.
6. *Macyuk R. Ya.* Surzhik dlya intelirencii. – L'viv : Spolom, 2004. – 290 s.
7. *Neshchimenko G. P.* Yazykovaya situaciya v slavyanskijh stranah: opyt opisaniya. Analiz koncepcij. – M. : Nauka, 2003. – 277 s.
8. *Flajer M. S.* Surzhik ili surzhiki? // Issledovaniya po lingvistike i semiotike : sbornik statej. – M., 2010. – S. 47–58.
9. *Hmelevskij M. S.* «Yazykovej portret» sovremennoj Ukrainy // Komunikacija specjalistychna. – 2017. – Vol. 13. – C. 79–105.
10. *Hmelevskij M. S., Ursulenko A. V.* Sovremennaya ukrainskaya yazykovaya situaciya (kommunikativnyj aspekt) // Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reihe. Band 17. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2009. – S. 217–230.
11. *Hmel'ko V. E.* Lingvo-etnichna struktura Ukraïni: regional'ni osoblivosti ta tendencii zmin za roki nezalezhnosti // Naukovi zapiski NaUKMA. T. 32 : Sociologichni nauki. – 2004. – S. 3–15.
12. *Nazarenko L.* Ukrainskij surzhik – sociolekt, prostorechie, pidzhin? K voprosu o yazykovej situacii na Ukraine // SLAVICA LITTERARIA. – 2012. – Vol. 15, iss. 2. – S. 243–250.
13. *Sesar D.* Putovima slavenskih književnih jezika. – Zagreb : Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta Sveučilišta, 1996. – 156 s.

The article was contributed on July 1, 2019

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Проведение социолингвистических исследований городского диалекта Киева: языковая многокодовость и киевское русскоязычие на фоне русско-украинского билингвизма» (№ 19-012-00613 А)

Сведения об авторе

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Author information

Khmelevsky Mikhail Sergeevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: chmelevskij@mail.ru